
Что-то странное в небе случилось вчера.
В полночь вдруг потускнели все звёзды. Казалось,
их сиянье теперь из земли поднималось.
И по куполу рыскали прожектора.

Диск луны ярко вспыхнул в скрещённых лучах.
Она дёрнулась набок и тут же потухла.
Ночь трещала по швам, комья листьев пожухлых
по асфальту метались. В далёких церквях

били колокола, собирали народ.
За ударом удар звон на улицы падал,
растворялся во тьме. И висел - совсем рядом,
стоит только глаза приподнять, – небосвод.

В трансформаторной будке ожившее зло,
превратясь в электричество, взвыло. Всплывали
очертанья домов и опять исчезали,
словно щётки на миг протирали стекло.

И стоглазая ночь, вознесясь от земли,
разбухала, натужно кряхтела. Стремилась
поскорей разродиться. С внезапной силой
хлынул дождь, это воды её отошли.

По размякшему небу одна за одной
набегали волнами от края до края
содроганья, слабея и вновь нарастая.
Схватки первые в тёмной утробе ночной.

Дождь затих. Колокольному звону в ответ
гонг ударил в зените, по рельсу железом.
И тогда луч прожектора скальпелем взрезал
ей подбрюшье. Из тьмы появился на свет

плод, спасённый сечением кесаревым.
Проскользнула отрезанная пуповина.
Загогулиной серой, как хвостик крысиный,
торопливо вильнула. Над залом пустым

купол коркою льда зарастал. Облака
проносились по льду удивительно быстро,
словно ветер прокручивал плёнку со свистом,
и мельканье струилось. Пустая рука

выводила уже логотипа овал,
моё имя, дрожащее нетерпеливо,
заголовок бегущим красивым курсивом.
И весь город похож стал на зрительный зал,

над которым убавили звёзды накал.
Чтобы все, кто хотел, могли видеть воочью
на экране младенца, рождённого ночью.
Но единственный зритель глаз не поднимал.